

УДК 821.112.2

**СПЕЦИФИКА ЭПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В «ПЕСНИ О ХИЛЬДЕБРАНДЕ», «ВАЛЬТАРИИ» И «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»**

*канд. филол. наук Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет)
k.lushneuskaya@psu.by*

Рассматриваются особенности средневекового мировоззрения, выявленные в памятниках героического эпоса. Эпосы «Песнь о Хильдебранде», «Вальтарий» и «Песнь о Нибелунгах» объединены общими героями, тесно связаны сюжетно. Сравнительный анализ сказаний позволяет утверждать, что все они отражают средневековое мировоззрение, изображают честь, славу, вассальную верность, побратимство как ценности западноевропейской средневековой культуры. Ради славы и чести эпические герои бросают вызов судьбе. Герои эпоса вынуждены делать выбор между долгом вассала и побратимством. Ни судьбоносные знамения, ни кровные узы не уступают законам чести. Императивом поведения эпического героя, как правило, выступают сражение за честь господина, свою собственную честь или месть за честь убитого.

Ключевые слова: героический эпос, эпическое сознание, честь, слава, месть, вассальная верность, побратимство.

Введение. Средние века в немецком литературном наследии стали отражением периода, полного противоречий как в политическом, так и в культурном плане. Время военных походов и крестьянских волнений, политической раздробленности и синкретической культуры вызвало к жизни появление песен, прославляющих храбрых героев. Это были героические песни, подсказанные самими событиями этой бурной эпохи [1, с. 5]. По форме это были как устные, так и письменные памятники, созданные на древнегерманском и латинском языках. Вместе с тем особенности германской культуры в полной мере «проявлялись в устной словесности ярче и полнее, чем в латинской письменности», – отмечал Г.В. Шатков [2, с. 17]. Церковь вела активную борьбу против древнегерманских памятников язычества. В отдельных случаях увлечение монахов эпическими произведениями позволило сохранить единичные образцы героического эпоса на прокладочных листах богословских книг, написанных на латыни, иногда героическая песнь могла дойти до нас благодаря передаче древнего сюжета на латинском языке, в иных случаях песнь продолжала бытовать в устной форме, пока столетиями позже не приобрела окончательное оформление в руках талантливой мастера.

Большинство сюжетов древнегерманского эпоса образуют циклы, объединенные не только значимыми фигурами, например, Дитриха (Теодориха) Бернского, но и нескольких других исторических и, кроме того, эпически значимых фигур Атилы, Хильдебранда, Вальтария и Гунтера. Речь идет, прежде всего, о таких эпических сказаниях, как фрагментарно сохранившаяся в латинском трактате «Песнь о Хильдебранде» (*Hildebrandslied*, начало IX века [3]), написанный на латинском языке о событиях германского прошлого «Вальтарий»¹ (*Waltharius*, середина IX века [4]) и значительная по объему и записанная многим позже отраженных в ней событий «Песнь о Нибелунгах» (*Das Nibelungenlied*, ок. 1200 [5]). Несмотря на различия, эти эпосы объединены не только общими эпическими героями, но и отраженным в них эпическим сознанием, основанным на общей картине мира германских народов.

Основная часть. Историческая и эпическая действительность не тождественны друг другу. Вместе с тем эпическая история является источником ценных сведений, отсутствующих или частично отраженных в документах. Ярким примером древнейших текстов германской эпической поэзии раннего средневековья служит анонимная «Песнь о Хильдебранде», сохранившаяся на лицевой стороне первой и на обороте последней страницы латинской богословской рукописи монастыря Фульда и обнаруженная в 1841 г. в Мерзебургском соборе. Главным героем «Песни» является храбрый воин Хильдебранд, история которого становится понятной из содержания эпоса. Хильдебранд изгнан Одоакром вместе с Теодорихом из Италии и находит приют и защиту у короля гуннов Атилы (Этцеля). Вместе с тем сюжетная основа «Песни о Хильдебранде» не находит соответствия в реальной истории эпохи «великого переселения народов». Несмотря на идентичность эпических и исторических имен, в эпосе присутствует иная трактовка исторических событий. В действительности король Теодорих (Дитрих) отнял у германского военачальника Одоакра корону и державу, а самого его приказал казнить. Такого рода погрешности характерны для эпоса. Эпос

¹ Известно о существовании более ранней версии сказания о Вальтере Аквитанском – древнеанглийском памятнике «Вальдере», созданном не позже X в. и дошедшем до нас в двух отрывках.

может служить своеобразным отражением сознания повествователя, что в определенной степени противоречит высказанной Г.В. Шатковым мысли, согласно которой сознание создателей эпической поэзии «еще не способно было охватить происходящие исторические события сколько-нибудь полно» [2, с. 15]. Данный факт, однако, не отрицает того, что эпические сказители описывали события такими, какими они их видели или, по крайней мере, хотели их видеть. Задача медиевистов состоит в том, чтобы выяснить, какой была историческая действительность по мнению создателей героических песен.

Дошедшая до нас рукопись «Песни о Хильдебранде» начинается непосредственно с описания ситуации: *Я вести внимал, что поведала, / как витязи кликали клич: / на бой, в поединке сразиться, / вызывали друг друга они – / то Хильдебранд с Хадубрандом / меж войск повстречались своих* [3, с. 405]. Характерный для устной словесности эпический зачин указывает на все еще прочную связь с устной поэзией древнегерманского периода, временем кровопролитных сражений, битв и междоусобиц кровных родичей. Зачин «Песни» позволяет нам понять, что дальнейшее повествование пойдет о битве двух храбрых воинов. Существовавшие в средние века героические песни дают представление о судьбе главного героя эпоса – Хильдебранде. Согласно им Теодорих (Дитрих) во главе собранного им войска отправляется отвоевывать свое государство у Одоакра с помощью своего наставника Хильдебранда. На границе двух государств старый воин Хильдебранд встречает молодого воина, служившего в войске короля Одоакра, противника Теодориха, и спрашивает о его происхождении. С одной стороны, Хильдебранд следовал средневековому этосу² уважения к противнику, а с другой стороны, на его пути – былая родина, где остались супруга и сын. Отцовские чувства и мудрость старого воина не позволяли ему начать сражение с возможным родичем. Услышав исполненный гордости за своего отца рассказ Хадубранда: *«Дитриха воин любимый / в битву водил дружину, / в сече всегда был первым, / славен меж храбрых мужей»* [3, с. 406], Хильдебранд с грустью и радостью осознает, что перед ним – его родной сын. Хильдебранд испытывает противоречивые чувства: радость от встречи с сыном и скором возвращении на родину; грусть от осознания своей миссии – военный поход и предвещающий его поединок с сыном. Это напряжение характерно как для самого жанра героической песни, так и для исторического периода в целом.

Такое напряжение характерно и для «Песни о Нибелунгах». Во время первой встречи Зигфрида с бургундами виден его решительный настрой. Напряжение, характерное для данной сцены, немного ослабляется благодаря рассказу Хагена о храбром воине. Данный прием соответствует правилам эпического повествования, когда история эпического героя рассказывается другим персонажем. В эпоху «великого переселения народов» сказания о храбрых героях кочевали вместе с народами, как следствие, о героях и их подвигах знали и за пределами их родины.

В обоих случаях герои стоят перед выбором: начать бой или заключить перемирие. Мудрость и расчетливость Хагена позволяет избежать сражения, однако молодость и горячность Хадубранда вызывают необратимые последствия. Его слова: *«Тот презреннейший трус / из восточных земель, / кто от битвы теперь уклонится»* [3, с. 407] – становятся началом трагического конца. Оскорбленная честь вызывает необратимые последствия. Хильдебранд не способен стерпеть обиду от сына, и отцовские чувства позволяют лишь отсрочить неминуемый бой. Очевидна более архаичная природа эпоса, в эпоху создания которого кровные узы имели весомое значение.

Подобная ситуация наблюдается в «Вальтарии»: побратимство, заключенное с Вальтером, не позволяло Хагену нарушить клятву и вступить в бой. Все меняет убийство кровного родича. Принятые в героическом эпосе долгие разговоры перед боем свидетельствуют о следовании средневековому этосу: *«Что так внезапно, скажи, изменило столь верного друга? / Ты лишь недавно, когда расставались с тобой мы, как будто / Вырваться долго не мог из дружеских наших объятий. / Чем ты так оскорблен, что на нас ты поднял оружие?» (1240–1243) <...> «Как ты можешь забыть наши частые верности клятвы? / Я умоляю тебя: не вступай в незаконную битву, / Пусть на все времена нерушим наш союз пребывает! / Если согласен – вернешься домой с дорогими дарами, / Щит твой наполню сейчас же я грудью золота яркой» (1255–1260)* [4, с. 82–83]. Предложение откупиться от боя – характерный элемент, предшествующий конфликту героического эпоса. Но и Хадубранд из «Песни о Хильдебранде» не отказывается от боя взамен на дары гуннского воина: *«Тут Хильдебранд снял с руки / ковки отменной запястье, / дар золотой, что пожаловал / гуннов властитель ему: / “Прими в знак приязни его”»* [3, с. 406]. Ни Хаген, ни Хильдебранд не принимают дар, ведь принятие подарка означало подчинение дарящему. Более детально данный этос описан в «Песни о Нибелунгах».

Во время битвы в пиршественной зале тяжелый выбор предстоит сделать Рюдигеру Бехларенскому, гуннскому вассалу и будущему тестю бургундского короля. Связанный побратимством с бургундами и находясь на службе у гуннского короля, он разрывается между клятвой и долгом чести. Участие в битве ставит

² М.П. Оссовская рассматривает этос как «стиль жизни какой-то общественной группы, общую ориентацию какой-то культуры, принятую в ней иерархию ценностей» [6, с. 26].

его перед непростым выбором. Он просит освободить его от присяги вассальной верности и предлагает королю возратить пожалованные ему владения: «Сказалъ царю отважный / боець: “Мой государь! // Возмите все обратно, / что дали вы мнѣ встарь // Край съ бургами! Я должень / теперь оставить ихъ // Пойду я на чужбину / въ изгнанье на своихъ двоихъ”» (2157) [5, с. 408]. Долгая беседа с господами еще больше оттягивает решение Рюдигера. Но, когда один из гуннов осмеливается упрекнуть его в бездействии: «Кому и край подвластенъ / и множество людей: // Что бурговъ Рюдигеру / дано! Что даль мужей // Въ его распоряженье / царь мужу своему! // Въ бою здѣсь не нанеся онъ / еще удара никому» (2139) [5, с. 405], – Рюдигер убивает гунна. Рюдигер находится на службе гуннского короля, но публичное оскорбление, нанесенное гуннским воином, оскорбило честь маркграфа и, несмотря на свой вассальный долг, он защищает собственную честь, а не честь короля. Реакция господ не заставила долго ждать. Он слышит упрек Кримхильды: «Что вы бѣды прибавить / рѣшились мнѣ съ царем? // Вы намъ досель, Рюдигерь, / твердили все о томъ. // Что жизнью, честью рады / всегда рискнуть для насъ. // И многіе (слыхала я) / такъ ставили высоко васъ» (2148) [5, с. 406]. Этими словами Кримхильда напоминает Рюдигеру как о вассальном долге, так и о клятве, данной им во время сватовства Этцеля³. Тогда Рюдигер бросается в бой, чем вызывает радость у бургундов. М.П. Оссовская отмечает: «Недостаток мужества – самое тяжелое обвинение, боязнь быть заподозренным в трусости вела к нарушению элементарных правил стратегии», что очень часто «кончалось гибелью рыцаря» [6, с. 83]. Рюдигер Бехларенский не столько связан клятвой побратима, сколько обещаниями, данными своей дочери. Кровные узы и отцовские чувства не позволяют ему выступить против будущего зятя и оскорбить честь дочери. Обвинение в слабости служит спусковым механизмом для дальнейших трагических событий, подобно тому, как в «Песни о Хильдебранде» верно несущие службу воины, никак не связанные побратимством, готовы отстаивать свою честь, как и честь господина, и лишь отцовские чувства некоторое время сдерживают их от роковой ошибки.

Героический эпос скуп на изображение отцовских чувств, как и любых других чувств, выходящих за рамки этоса. В то же время эпос о Нибелунгах – новая веха в истории развития героического эпоса. Его автор, трансформируя сказание об Атли, согласно которому Кримхильда убивает мужа в отместку за братьев, в приоритет ставит честь героя и супружеские отношения, а не кровные узы. Эта временная дистанция, несмотря на общих героев, отличает «Песнь о Нибелунгах» от предшествующих памятников и позволяет расширить эпическую картину мира такими понятиями, как месть за убитого и супружеская верность. Несомненно, любовь в супружестве вошла в эпос более позднего периода, периода одновременного расцвета куртуазного романа и позднего миннезанга. В более ранних эпосах речь шла о любви к родине и сражениях во имя родины и государя.

Однако и в данном отношении имеются отличия. Несмотря на упоминание в «Песни о Хильдебранде» его верной службы у Этцеля, Хильдебранд сражается во имя собственной чести, а не короля. Тогда как в латинском эпосе «Вальтарий», Хаген, негодующий от несправедливости быть плененным вместо королевского наследника, возвращается к своему королю и, более того, вступает в битву со своим другом Вальтером: «И за тебя лишь, король, я иду на опасное дело» (1111) [4, с. 75]. Здесь явно усматривается связь с образом Рюдигера Бехларенского, а также Хагена из «Нибелунгов». Так, Хаген подстрекает Гунтера нарушить обет побратимства, а Рюдигер вступает в бой, руководствуясь долгом службы и пренебрегая клятвой побратима. Для них вассальная верность оказывается важнее дружественного союза. Яркими примерами западноевропейского эпоса являются песни о Роланде и о Сиде Кампеадоре. Несмотря на то, что это более поздние эпосы, верная служба королю – основной мотив, на котором строится сюжет эпоса. Любовь к своему господину подкреплялась щедрыми дарами. В то же время выбор между службой королю и супружеским долгом характерен для куртуазных романов Гартмана фон Ауэ «Ивейн» и «Эрек».

В германском эпосе наряду с понятием вассальной верности упоминаются и другие, связанные с древнегерманскими представлениями о воинской доблести. Возможность избежать сражения имела несколько форм. Хильдебранд предлагает дорогую сбрую Хадубранду, Гунтер Зигфриду – побратимство, а Этцелю из латинского эпоса выдаются заложники. Кроме того, наделение дарами, дорогой сбруей и пленными обязывало и принявшего дар. Так, Хадубранд отказывается от подарков Хильдебранда, чем неминуемо вызывает сражение. Отказ Вальтария отдать золото рассматривается как вызов. Иногда герои лишаются земель в ходе военных действий, как произошло в случае с Хильдебрандом. В «Вальтарии» франки, бургунды и аквитанцы, чтобы не лишиться земель, заключают союз с гуннами, заплатив Аттиле дань и вручив ему заложников. Как правило, принятие даров могло означать подчинение дарящему и признание его превосходства. В «Песни о Нибелунгах» автор несколько раз дает этому объяснение. Так, принявший дары Гунтер оказывает немалую честь маркграфу Рюдигеру. Несмотря на то, что Рюдигер был благородного

³ Уговаривая Кримхильду стать женой Этцеля, Рюдигер Бехларенский обещает заступаться за нее. Кримхильда принимает это и берет с него обет: «Дайте / мнѣ клятву, что тому, // Кто причинилъ мнѣ горе, / вы первый за меня // Отмстите». Ответь чаль ей / маркграфъ: «На то согласенъ я»³ (1257,2–4) [5, с. 292].

происхождения, в «Песни о Нибелунгах» он представлен вассалом: его маркграфство принадлежало Этцелю. «Он Гунтеру, лихому / бойцу, тут подарил // (Дар этот с честью знатный / король потом носил, // Хоть редко брал подарки) / кольчугу. За такой // Подарок сделал Гунтер / поклон пред Рюдгера рукой» (1695) [5, с. 346]. Примером «нетипичного» одаривания служит заключительная сцена приезда бургундов ко двору Этцеля, когда на вопрос Кримхильды о подарках (в данном случае она имела в виду клад Нибелунгов) Хаген с иронией воспринимает требование королевы: «“Знай я про то”, стал Гаген / в ответ ей говорить. // “Что витязи подарки / должны вам приносить, // Будь я богат настолько, / я-б не забыл тогда // Про это и подарок / привез бы вам с собой сюда”» (1740) [5, с. 352]. Бургундский вассал не понимает (или не желает понять) требований своей прежней госпожи, поскольку они не соответствуют принятым правилам.

Для Кримхильды Нибелунгов клад – не дар от Хагена, а символ власти, служащий напоминанием об убитом Зигфриде. По мнению Ф. Ноймана, «мысли о храбром Зигфриде связаны и с его средствами власти» [7, S. 129]. Кримхильда желает получить клад Нибелунгов в качестве «утреннего подарка» («*morgengäbe*»), который, вопреки распространенному мнению, предназначался не как дар невесте после брачной ночи, а вдове, причем право на подарок не терялось даже после повторного замужества [5, с. 275]. Несмотря на связь «утреннего подарка» с придворным обычаем одаривания, своими корнями он уходит в древнегерманскую старину.

В жизни германцев материальные ценности зачастую играли символическую роль: они были не только признаками благородства и щедрости господ, но и атрибутами счастья. Везение, удача героя часто вызвали желание обладать, по крайней мере, их частью, что особенно характерно для древнегерманских представлений. А.Я. Гуревич объяснял это так: «Свое благополучие можно приумножить, получив в дар от вождя драгоценный подарок (меч, гривну, кольцо, плащ), ибо в этих предметах материализуется “везенье” “богатого удачей” вождя» [8, с. 18]. В «Песни о Хильдебранде» указывается на обычай, согласно которому сбруя павшего в битве доставалась победителю: «Ты же сможешь, однако, / коль силы достало, / старца доспехи добыть, / павшего панцирь получить, / коли право свое утвердишь» [3, с. 407]. В «Вальтарии» также есть сцена, в которой король Аквитанский после боя собирает с убитых доспехи и ценные украшения. Вряд ли их обладатели были удачливы в последнем бою, но здесь имеет силу обычай, согласно которому ценности убитого переходили к победителю как награда.

Символическим значением наделялась и смерть. В данном отношении существенным является отмщение за убитого в бою. В «Вальтарии» Хаген вступает за убитого родственника, напротив, в «Песни о Нибелунгах» в свой предсмертный час Зигфрид оплакивает участь сына. Это еще один из аспектов отношения к кровным родичам. Судьба сына удручает Зигфрида, в его словах слышится упрек и ненависть к бургундам, совершившим бесчестный поступок – предательское убийство мужа сестры: «Наделали вы этим / не мало бед своей родне. // И всех потомков ваших / позор, бесчестье ждет: // За ваше злое дело / их всякий упрекнет» (989,4–990,2) [5, с. 258]. Драматизм ситуации усиливается осознанием того, что бургундский род несет клеймо позора за предательское убийство родственника и побратима. Быть убитым в сражении являлось подтверждением чести и славы героя. Тот, кто убит не в бою и не отомщен, не мог считаться истинным героем. Поэтому Кримхильда, пренебрегая кровными узами, решает на мсть за убитого супруга. Если в «Песни о Хильдебранде» родственные связи уступают чести, а в «Вальтарии» родственные узы важнее клятвы побратима, то в «Песни о Нибелунгах» вопрос чести – это выбор между родством, побратимством и супружеской верностью. Вместе с тем в эпических сказаниях изображена типичная для того времени ситуация: служащий гуннскому королю Хильдебранд вступает в бой со своим кровным родичем, а недавние друзья и побратимы Вальтарий и Хаген в вооруженной схватке наносят друг другу увечья. Роковое стечение обстоятельств вынуждает героев сделать решающий выбор. Трагическая кончина ожидает и Рюдигера из «Нибелунгов». Лишь Хагену из латинского эпоса удастся закончить бой перемирием, лишившись, однако, глаза. Несмотря на отсутствие трагического финала, «Вальтарий» служит отражением дохристианских нравов: только храбрые воины эпохи «великого переселения народов» смогли бы испить примирительную чашу после кровопролитного боя.

Мотивы примирения и побратимства тесно связаны и взаимообусловлены. В обоих случаях участниками «договора» соблюдаются взаимовыгодные условия. Нарушение обязательств влечет за собой роковые последствия. В глубокой древности клятва побратима скреплялась не только данными обещаниями, но и каплями крови участников договора, которые после совершения ритуала становились кровными родственниками. Со временем стало достаточно устного обещания. Однако скрепление кровью или испытание единой чаши уходит своими корнями в дохристианскую эпоху, во времена языческих богов. Дары, приносимые богам в качестве жертвы, и окропление жертвенного алтаря кровью имели символическое значение. Вместе с тем в «Песни о Нибелунгах» символ крови приобретает иное значение. Кровь обличает Хагена в вероломном убийстве, как во время самого совершения преступления, так и в момент погребения Зигфрида. Ср.: *Ужъ Зигфридъ нидерландскій / склонился надъ ключомъ, // Какъ Гагенъ, в крестъ намгътась, / пустиль въ него копьемъ. // Кровьъ брызнула изъ сердца / на Гагена тогда. // Никто столь злого дѣла / еще не дѣлалъ никогда!* (981) [5, с. 257] и *Вещь дивная понынь / случается не разъ: // Когда передъ убитымъ / убійца глазъ на глазъ // Предстанеть, кровьъ изъ раны / внезапно побъжитъ. // Так и теперь: узнали, / что Зигфридъ*

Гагеномь убитъ (1044) [5, с. 266]. Библейский мотив обличения преступника, равно как и иные упоминания имени Божьего, в различной степени включены в героический эпос. Часто воля Бога противопоставляется злему року, неумолимой судьбе, решающей участь воинов: «*Боже всесильный, поистине злая / ныне вершится судьба...*» [3, с. 407]. Данный пример из «Песни о Хильдебранде» позволяет утверждать, что Бог и судьба в средневековом сознании воспринимались независимо друг от друга как самостоятельные понятия. По всей вероятности, упоминание Бога включено намеренно, уже при переписывании оригинала, поскольку во время создания рукописи христианство в германских племенах было довольно распространено, но процесс христианизации еще не был завершен. Возможно, именно благодаря такого рода элементам рукопись «Песни о Хильдебранде» и сохранилась на страницах богословского трактата.

Смешение собственно христианских терминов с прежними языческими представлениями обнаруживает «Вальтарий» – латинский эпос на народный сюжет. Однако здесь действуют другие законы: «Вальтарий», написанный на языке христианской церкви, по содержанию восходит к событиям дохристианской эпохи. Как отмечает М.Л. Гаспаров, «Вальтарий» – это «древнегерманская героическая песнь, одетая в вергилианские стихи», «по содержанию поэма принадлежит германскому фольклору эпохи переселения народов; по форме она представляет собой имитацию <...> лучших образцов унаследованной от античности латинской поэзии» [10, с. 442]. Результатом такого взаимодействия стало включение в поэму христианских понятий, тогда как эпические герои проявляют непокорность и мстительность, характерную для воинственных язычников. Вместе с тем при сопоставлении «Вальтария» и героического эпоса «Песнь о Хильдебранде», объединенных темой борьбы германских племен с гуннами, латинский эпос также представляется не свободным от языческого мировидения.

В сюжет «Вальтария» включены христианские понятия. Так, перед встречей с бургундами Вальтер уповает на Божью помощь: «*Если с помощью Божьей искусство мое будет выше, / Жизнь я свою сохранию для тебя, для моей нареченной*» (569–570) [4, с. 50], – обращается он к возлюбленной Хильдегунде. Но это сражение велось не во имя Господа Бога, а из-за сокровищ. «*Здесь, перед этой тесниной, я гордо даю обещанье: / Пусть из франков никто, вернувшись, жене не расскажет, / Будто из наших сокровищ он взял безнаказанно долю!*» / *Но, произнесши такие слова, упал он на землю / И умолял о прощенье за столь надменные речи* (560–564) [4, с. 49–50]. Как Хильдебранду из «Песни о Хильдебранде», так и Вальтарию известны законы древнего германца: отнятые сокровища будут обязательно разысканы хозяином. Но Вальтарий не мог позволить себе оставить врагу богатства своей страны. Подобный мотив встречается и в «Нибелунгах» в эпизоде, когда Хаген спрятал клад в Рейне: *Тем временем взял Гаген / скорей несметный клад // И погрузил у Лохс⁴ / в Рейнь весь: онъ мнилъ потомъ // Воспользоваться кладомъ, / но выйти не могло по немъ* (1137,2–4) [5, с. 278].

Создается впечатление, что эпическими героями руководят честь и желание славы. В англосаксонском «Беовульфе» (Beowulf, ок. 1000) главный герой эпоса, умирая, говорит напутственные слова народу и державе, отдав за них свою жизнь. Свою гибель он не считает напрасной, поскольку имеет реальное тому подтверждение – сокровища дракона: «... и я, увидев казну издревнюю, насытив зренья игрой самоцветов и блеском золота, возлягу рядом и без печали жизнь покину и власть земную» (2746–2750) [11, с. 202]. Одновременно с этим Беовульф вверяет себя Божьей воле: «*Я мирно властил и ждал урочного срока и жребия: не жаждал распрей и живыми клятвами не осквернял, чему сегодня, смертельно раненный, я радуюсь в сердце, ибо Создатель не попрекнет меня убийством родичей – так пусть же изыдет душа из тела!*» (2735–2742) [10, с. 201–202]. Более древний по своей природе англосаксонский эпос снова отсылает к используемому в «Песни о Хильдебранде», «Вальтарии» и «Песни о Нибелунгах» мотиву убийства кровного родича.

Заключение. Таким образом, героический эпос стал своеобразным откликом на события прошлого в устах народа. Сегодня не является секретом, что эпические произведения включают в себя ценные сведения о Средневековье и могут раскрыть особенности средневекового сознания. Так, на примере анализа ключевых понятий средневекового мировоззрения, нашедших отражение в «Песни о Хильдебранде», «Вальтарии» и «Песни о Нибелунгах», были сделаны следующие выводы. В большинстве случаев эпическим героем движут честь и слава, ради которых он готов умереть. Выбор между долгом вассала, клятвой побратима и кровными узами часто совершается в пользу чести короля. Побратимство играло не меньшую роль, чем родство, что уходит своими корнями в более древние времена. Все указанные особенности позволяют утверждать, что героический эпос Средних веков вобрал в себя нравственные и мировоззренческие ценности дохристианской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский, В.М. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера / В.М. Жирмунский // Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / А. Хойслер. – М.: Иностранная литература, 1960. – С. 5–47.
2. История немецкой литературы: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Балашова [и др.]. – М.: АН СССР, 1962–1976. – Т. 1: История немецкой литературы IX–XVII вв. / редкол. Б.И. Пуришев, Р.М. Самарин, И.М. Фрадкин. – 1962. – 470 с.

⁴ Существует предположение, что под «Лохом» в «Песни о Нибелунгах» имелось в виду самое глубокое место Рейна вблизи Лохгейма (более 20 метров глубиной), которого лодочники боялись не менее утеса Лорелеи [9, S. 232].

3. Песнь о Хильдебранде / пер. Т.Я. Сулиной // Зарубежная литература средних веков : Хрестоматия / сост. Б.И. Пуришев. – 3-е изд. испр. – М. : Высш. шк., 2004. – С. 404–407.
4. Вальтарий // «Двойной венец» : Эпос и драма латинского Средневековья в переводах М.Л. Гаспарова / сост. М.Л. Андреев. – М. : РГГУ, 2012. – С. 19–94.
5. Песнь о Нибелунгах / пер. М.И. Кудряшев. – СПб. : Типография Н.А. Лебедева, 1889. – 440 с.
6. Оссовская, М.П. Рыцарь и буржуа : Исслед. по истории морали / пер. А. А. Гусейнова; общ. ред. А.А. Гусейнова; вступ. ст. А.А. Гусейнова и К.А. Шварцман. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
7. Neumann, F. Schichten der Ethik im Nibelungenlied / F. Neumann // Festschrift für Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. – Halle : Max Niemeyer, 1924. – S. 119–145.
8. Гуревич, А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов / А.Я. Гуревич // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т.А. Михайлова. – М. : Индрик, 2005. – С. 12–22.
9. Oberste, J. Der Schatz der Nibelungen: Mythos und Geschichte / J. Oberste. – Gladbach : Bastei Lübbe, 2008. – 304 S.
10. Вальтарий // Памятники средневековой латинской литературы, VIII–IX века / отв. ред. М.Л. Гаспаров; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М. : Наука, 2006. – С. 442–463.
11. Беовульф : Эпос / пер. с др.-англ. В. Тихомирова. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 288 с.

Поступила 23.06.2020

FEATURES OF EPIC CONSCIOUSNESS IN HILDEBRANDSLIED, WALTHARIUS AND NIBELUNGENLIED

E. LUSHNEVSKAYA

The features of the medieval worldview reflected in the monumental examples of the national heroic epos are considered. The eposes «Hildebrandslied», «Waltharius» and «Nibelungenlied» are connected by the same heroes and closely interrelated. The comparative analysis of eposes suggests that they all reflect the medieval worldview, represent honor, glory, vassal fidelity, twinning as the values of Western European medieval culture. Epic heroes take on fate to get glory and honor. The heroes of the epos have to make a choice between vassal fidelity and twinning. Neither the fateful signs, nor the blood bonds are inferior to the laws of honor. Generally as an imperative of behavior of the epic hero is a fight for the honor of the lord, his own honor or revenge for the honor of the murdered.

Keywords: *heroic epos, epic consciousness, honor, glory, revenge, vassal fidelity, twinning.*